УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Том 148, кн. 1 Гуманитарные науки *2006*

УДК 111+152.27

ДЕТСТВО В СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА

С.Л. Шалаева

Аннотация

Статья посвящена анализу изменений феномена детства в условиях современного состояния культуры, именуемого постмодерном.

Рассматриваются истоки и специфика постмодерна как особого этапа в развитии современного общества и постмодернизма как его мировоззренческого, духовного обоснования. Постмодернизм анализируется как новое направление социально-гуманитарной мысли, претендующее на роль методологии познания общества и человека, наиболее адекватной современности.

Идеи постмодернизма, широко распространяясь в обществе при помощи современных информационных средств и социальных технологий, оказывают существенное влияние на общественное воспроизводство, изменяя механизмы функционирования классических институтов социализации и заменяя их на новые, неклассические.

В этих условиях правомерно утверждать о наступлении новой неклассической, постмодернистской эпохи детства, к основным характеристикам которой автор относит, в частности, нестабильность и повышенную восприимчивость сознания и поведения ребенка, повышенную конфликтность в его отношениях с миром взрослых, парадоксальность отношений мира взрослых к миру детства и некоторые др.

Генезис нового типа общества в развитых странах на рубеже XX – XXI веков, называемого вначале постиндустриальным, а затем информационным, стал почти общепризнанным. Эта новая общественная реальность имеет свои особенные черты: превращение производства «ноу-хау» и особенно информационных технологий в ключевой фактор прогресса; вытеснение индустрии сферой услуг; изменение структуры производства, институциональной системы, поселений; превращение профессионалов и центров их «производства» в ключевые параметры развития и т. п. [1, с. 26]. Переход к постиндустриальному состоянию общества характеризуется ростом городов, децентрализацией общественной жизни, депопуляцией народонаселения, изменением моделей семьи и роли женщины, увеличением сроков получения образования, снижением социальной активности населения, институционализацией конфликтов, усилением толерантности, функционализацией ценностей, информатизацией жизни, интенсификацией различий между грамотными и неграмотными, имеющими и не имеющими доступа к новым технологиям людьми, ростом потребления и гедонистическими тенденциями.

Важнейшей стороной движения общества к постиндустриальному состоянию является глобализация, представляющая собой не столько процесс становления единой цивилизации, базирующейся на общечеловеческих ценностях,

сколько экспансию «западной» модели общества и приспособление мира к потребностям этой модели. В.Л. Иноземцев, исследуя проблему глобализации [2], называет ее вестернизацией, обращаясь к определению С. Латуш: «Вестернизация – явление универсальное по своему временному характеру и географическому охвату… Модель технологического общества со всеми его атрибутами – от массового потребления до либеральной демократии – в принципе легко воспризводима и в силу этого всеобща» [3, с. 51].

Глобализирующие тенденции в обществе развертываются на фоне невиданной интенсификации образа жизни человека, предполагающей сочетание разных видов деятельности, множественность, а потому зачастую поверхностность человеческих контактов. Другим спутником глобализации становится информатизация, ведущая к перманентному производству избыточной для человека информации.

Процессы глобализации зачастую сопровождаются ростом конфликтности, напряжения в социальных связях, разнообразными и многочисленными кризисами, протекающими в необычных формах. Они нередко порождают ощущение разрыва исторической связи времен, разрушения традиции, усиливающегося отчуждения, роста возможности рисков, что вызывает разочарование в целях и возможностях научно-технического прогресса, ощущение бессилия науки и неверие в разумность существующего мироустройства.

Для концептуальной квалификации этих реалий уместно использовать понятие абстрактного общества в теории К. Поппера [4]. Человек абстрактного общества утрачивает широкие непосредственные связи с другими людьми, суживая свое существование до индивидуализированного бытия среди других индивидуализированных, утрачивающих друг друга личностей. Близкое к этому определение формирующегося типа личности можно обнаружить в философии Г. Маркузе, исследовавшего феномен «одномерного человека» [5].

Воплощением характера и содержания сознания человека переходной эпохи, ее мировоззренческим оформлением и стал *постмодернизм*, который в качестве своей главной цели определяет стремление изменить не сам мир, а его видение и интерпретацию в условиях постиндустриального состояния.

Термин «постмодерн», от которого произведено слово «постмодернизм», возник в 50-е годы XX века для выражения целостного феномена, свойственного процессам сферы искусства, и прочно занял свое место в словаре социогуманитаристики с начала 80-х годов XX века. Он поначалу характеризовал особый способ видения мира в качестве творческого проекта воображения и воплощал себя, например, в движении футуризма в живописи. Синонимом футуризма стало понятие творчества без границ, которое в своем идеале и наиболее полном завершении в дальнейшем проявилось как отрицание не только традиционной культуры, но и отрицание всяких предварительных условий творчества, например, воспитания личности и ее субъективности, ее собственного Я.

В дальнейшем как целостное явление культуры постмодерн получил свое отражение в постмодернизме как идейном течении в лице Ж. Дерриды, М. Фуко, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ю. Кристевой и др., синтезировавших теорию постструктурализма, практику литературно-критического анализа деконструктивизма и художественную практику современного искусства.

Первая из составляющих постмодернизма – постструктурализм – возникает как идейное течение западной гуманитарной мысли, явившееся ответом на призывы структурализма (одного из главных направлений философии и методологии науки начала XX века) придать гуманитарным наукам содержательное и функциональное подобие естественных наук, развитие которых переживало в тот период большой подъем. Данная попытка явилась продолжением линии позитивизма в философии и науке, сформировавшейся в XIX веке. С этой целью структуралистами высказывались предложения отказаться от стиля эссе, стремиться к созданию строгого понятийного аппарата, активнее использовать логику и математические формулы.

Постструктуралисты, рассматривая концепцию «универсализма», т. е. любую объяснительную схему или обобщающую теорию, претендующую на логическое обоснование закономерностей действительности, как «маску догматизма», «империализм рассудка» [6, с. 225], называют деятельность подобного рода проявлением «метафизики» и выступают против структуры, общих тенденций, целостности субъекта, общепринятых знаков. Тем самым постструктурализм проявил себя как критика формализма структурно-функционального подхода, упускающего феномен внутренней духовно-душевной жизни человека как личности.

Деконструктивизм нашел свое проявление в сфере литературного творчества в форме литературно-критической практики постструктурализма, предложив принципы деконструктивистской критики, впервые сформулированные в трудах Ж. Дерриды, М. Фуко и Ю. Кристевой и продолженные в американской теории литературоведения (де Ман, Дж. Хартман, Х. Блум, Дж. Миллер). Общий смысл деконструкции как принципа анализа текста заключался в выявлении внутренней противоречивости текста, обнаружении скрытых от читателей и от самого автора смыслов, проявление их как главных элементов текста и литературного творчества.

Художественная практика современного искусства, нашедшая свое выражение прежде всего в сфере изобразительного искусства и архитектуры, активно демонстрировала тенденцию к объединению стилей, образных мотивов и художественных приемов, проявляясь как творческий эксперимент без границ, как поиск новых синтезированных форм и образов искусства.

Интегрировав все три указанных выше направления, постмодернизм – с протестным зарядом против классики, классической рациональности и ее принципов в теории и практике различных сфер общественной жизни – фактически ознаменовал своеобразный бунт против классической культуры и науки, попытался создать «новое видение мира», новую, связанную с ним концепцию мировоззрения как систему принципов и образов описания социокультурной реальности. С момента этого синтеза началось триумфальное шествие постмодернистских идей и стилистики, воплотившееся в понятии «век постмодерна» [7], которое, по отзывам Д. Фоккемы и Х. Бартенса, стало ходячим выражением раньше, чем возникла потребность в установлении его смысла [8].

Постмодернизм генетически связан не столько с мировоззрением, сколько с мироощущением, духом эпохи второй половины XX – начала XXI века. Важнейшим свойством постмодернистского сознания выступает специфическое

видение мира как хаоса, лишенного причинно-следственных связей и ценностных ориентиров, принципиально децентрированного, предстающего человеку лишь в виде неупорядоченных фрагментов, на основе футуристической активности (абсолютной свободы творчества).

Такая модель восприятия реальности сложилась в условиях глобального кризиса, типичного для самоощущения западной интеллегенции XX века и ставшего следствием тех нелегких испытаний, что выпали на судьбу европейской культуры и цивилизации в начале-середине XX века – прежде всего двух мировых войн и их разрушающего влияния на культуру. В этом свете постмодернизм возникает на почве недоверия и переосмысления устоев и принципов классической рациональной культуры, которая оказалась неспособной предотвратить беды XX века. Парадокс, однако, заключается в том, что деятельность постмодернистов, в силу их отказа от всяких условностей творчества, вела к еще большему ощущению кризисности, дестабилизации западного сознания в восприятии человеческого бытия.

Появлению и широкому приятию идей постмодернизма предшествовал резко возросший в западной культуре начала XX века интерес к личности, которую гуманитарные науки стали выводить на первый план изучения. Отдельный человек становится главным субъектом цивилизационно-культурного творчества, происходит переход от общественно-ориентированных к индивидуально-ориентированным формам культуры и цивилизации, который выдающийся испанский философ и культуролог Х. Ортега-и-Гассет назвал «восстанием масс» [9].

Постмодернизм активно стремится стать господствующей методологией современности. Он развивает в человеке стремление быть самим собой и преодолевать свое общественное измерение, утверждать свою индивидуальность. Доходя до крайнего индивидуализма, постмодернизм призывает к абсолютной свободе личности – не только от норм традиционной культуры, но и от себя самого (сведение личности до ничто, которое содержит потенциальное нечто). Он зовет к свободному творчеству – нахождению новых дорог своего бытия, регулярному обновлению рода занятий, сфер деятельности, спутников жизни и т. п., что рассматривается постмодернистским сознанием как благо, содержащее в себе мощный импульс к дальнейшему творческому развитию.

Вместе с тем эпоху постмодерна можно назвать эпохой маленьких личностей, стремящихся стать великими, для которых экзистенциальный бунт против каких бы то ни было условностей есть генеральное условие их самоутверждения среди себе подобных. Бунт маленького человека, символизирует становление совершенно нового типа личности в условиях переходной эпохи, символами которой стали постмодерн и глобализация.

С позиций синергетического знания этот тип в силу его маргинальности, внутренней бесструктурности, повышенной чувствительности к внешним воздействиям (темпоральности), высокого уровня манипулируемости может быть назван бифуркационным типом человека, который присущ всем переходным эпохам человеческой истории. Бифуркационный человек, в силу его особенных мировоззренческих свойств, – наиболее удобный строительный материал новых форм культуры и цивилизации. Это тип человека, в высшей степени неоп-

ределенного в своих принципах, но по причине удовлетворения своего индивидуального интереса почти тотально зависимого в своих ожиданиях и потреблении от внешней организующей среды, массовой культуры [10].

Неслучайно огромную роль в распространении постмодернистских идей сыграли и продолжают играть средства масс-медиа, активно пропагандирующие гедонистическое отношение к жизни, закрепляющие состояние бездумного потребительского отношения к искусству, потреблению любых проявлений мира в виде вещей для человека. Масс-медиа принадлежит особая роль в мистификации массового сознания, манипулировании им, порождении мифов и иллюзий, симулякров – всего того, что определяется как «ложное сознание».

Особое значение философское понимание сути постмодерна и постмодернизма приобретает для осмысления *феномена детства* – как в формах его исторического, так и современного бытия.

Детство как генеральный ресурс, условие и фактор сохранения и развития всякого общества является важнейшим элементом социокультурной жизни народов. Осознание этого сделало детство одним из самых актуальных объектов социально-гуманитарных исследований современности. Но вместе с тем феномен детства по-прежнему остается одним из наиболее малоизученных и малопонятных социальных явлений. В настоящее время еще только обозначаются подходы к рассмотрению данного социального феномена в его целостности, в том числе в понимании его роли в общественной жизни.

А между тем одной из главных социокультурных характеристик общества является отношение к детям, и детство здесь, с позиций современного социально-философского знания, не просто возрастной этап развития индивида, но особый, системно выраженный социокультурный феномен. Он непосредственным образом связан с феноменом социокультурной среды, в которой детство реализует себя как своеобразный и фундаментальный социальный институт общества, отвечающий за воспроизводство, сохранение и историческое развитие человеческого рода.

Постмодерн стал новой формой социокультурной реальности, особым образом влияющей на феномен детства в обществе эпохи глобализации, усложнения взаимосвязей общественных субъектов, нарастания новых вызовов социальной стабильности. На фоне этих процессов ведущей тенденцией развития современной человеческой цивилизации стало изменение культурно-исторического и социального статуса детства, характеризующееся ростом кризисности в отношениях мира детства и мира взрослых.

В современном обществе резко возрастает актуальность исследования различных проблем детства, что непосредственно связано с четким осознанием его роли в обеспечении существования и воспроизводства на содержательном и функциональном уровнях социума и человека. Постоянно увеличивается поток исследований в этой сфере – от культурно-исторической психологии развития (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин), этнографии детства (М. Мид, И.С. Кон, Г.С. Виноградов) и его истории (Ф. Ариес) до социологии детства (В.С. Собкин), экологической психологии развития ребенка (Г.В. Бурменская, Л.Ф. Обухова), социально-генетической психологии (В.В. Рубцов), социальной психологии детства (В.В. Абраменкова), экологии детства

(У. Бронфенбреннер, В.И. Панов) и даже виртуальной (!) психологии детства (Н.А. Носов).

Можно было бы только приветствовать возрастающий интерес к изучению феномена детства при условии, что этот интерес основан на осознании стратегичности отношения к детству со стороны общества, заботящегося о своем будущем. К сожалению, резкая актуализация проблемы объясняется на самом деле тем разразившимся и все углубляющимся кризисом детства, не замечать который и не реагировать на который мир взрослых просто не в состоянии.

Этот кризис выражается не в последнюю очередь в сокращении численности социальной группы детства как структурного элемента социума, обусловленном резким ухудшением физического и психического здоровья в мире детства. Данный факт с очевидностью подтверждается тенденциями снижения рождаемости, возрастания детской смертности, увеличением числа детей, родившихся с отклонениями в развитии, расширением масштабов социального сиротства, беспризорности и суицидальных проявлений в детском мире. Современное общество все более и более становится геронтократическим.

В последние годы особенно ярко обозначаются тенденции увеличения в мире детства дезадаптивных форм поведения, которые включают табакокурение, алкоголизацию, употребление наркотических и сильнодействующих веществ, правонарушения и преступления. Детские психологи с тревогой сообщают о распаде детского сообщества, увеличении случаев социального инфантилизма, распаде сюжетно-ролевой игры.

Пользуясь термином А.С. Ахиезера [11], можно сказать, что окружающий мир – это большое общество, состоящее из двух диалектически взаимосвязанных, влияющих друг на друга структур – мира взрослых и мира детства. Они взаимно дополняют друг друга, не могут существовать друг без друга, помогают друг другу в социализации, обеспечивают своим существованием и функционированием процесс наследования, передачи социально-исторической памяти, опираясь на которую общество способно развиваться как целостная структура. Но они одновременно и отрицают друг друга, и это отрицание заложено с самого начала противопоставления этих двух структур общества постольку, поскольку порождается их содержательным разнообразием. Отсюда – всегда присущий межпоколенческому общению пресловутый «конфликт отцов и детей».

Между тем на заре человеческой истории не было деления общества на мир взрослых и мир детей. Дети равноправно включались в коллективы взрослых, участвовали с ними в совместном производственном труде (частично это подтверждается данными о жизненном укладе представителей архаичных культур). Согласно гипотезе Д.Б. Эльконина [12], в последующем усложнение содержания и форм трудовой деятельности, прежде всего орудий труда, сделало невозможным полноценное участие детей в ее осуществлении. Эта историческая метаморфоза привела к выделению мира детства из мира взрослых. Детство становится особым периодом жизни, отведенным для общей ориентации в сложноорганизованном мире человеческой деятельности. Вынужденное противопоставление детей взрослым исторически явилось необходимым условием выживания человечества в новой ситуации общественного развития.

Большой эвристичностью в этой плане обладает предложенная в культурно-историческом подходе идея связи ребенка со взрослым, поэтому акцент в большинстве современных исследований все больше смещается в сторону рассмотрения современного детства как результата *социогенеза взаимоотношений детей и взрослых.* При этом понятие *развития* здесь становится ключевым.

Как в свете этой идеи трактуется детство?

Детство – это период становления ребенка полноценным членом человеческого общества, время самого бурного развития человека, которое невозможно без посреднической роли взрослого. Именно взрослый выступает посредником между ребенком и совокупностью социокультурных ценностей, установок, норм, которые определяют условия жизни данного общества и возможность нормально жить в нем. С этой точки зрения отношения взрослых и детей уместнее называть диадой, психологическим симбиозом, поскольку они образуют целостную систему, форму организации совместной жизни и деятельности, обеспечивающую обеим сторонам процесс взаимной социализации. Развитие ребенка, обусловленное уже одним только фактом его включенности в эту систему, дополняется развитием другого члена этой диады – взрослого, который тоже с необходимостью развивается вместе с ребенком. Более того, есть основания утверждать, что полноценное развитие ребенка обеспечивается только в том случае, если развивается и общающийся с ним взрослый.

Существование такого рода психологического симбиоза неоднократно подмечалось отечественными психологами. Так, Л.С. Выготский настойчиво и неоднократно подчеркивал, что развивается не сам по себе изолированно взятый ребенок, а целостная система взаимодействия «ребенок – взрослый» [13]. Д.Б. Эльконин отмечал, что ребенок познает окружающий мир, выстраивая его образ не своими руками, а руками и ногами взрослого человека. Он писал также о том, что нет системы «дети и общество», поскольку в этом словосочетании союз «и» выполняет не только соединительную, но и разделительную функцию, а потому теоретически правильным будет выражение «дети в обществе» [12].

Такого рода обобщения приводят нас к пониманию того, что изучать детство нельзя изолированно от окружающей его микро- и макросреды, в частности вне взрослого мира. Лишь с позиций только системного, полидисциплинарного изучения детства можно дать более полную и адекватную картину реальности, разобраться в причинах существующих проблем мира детства и предпринять попытку их разрешения.

Сложность, противоречивость взаимоотношений мира взрослых и мира детства находит свое отражение в конкретных парадоксах нашего времени, среди которых наиболее заметными можно считать следующие.

Парадокс первый. Пролонгация периода детства в связи с нарушением механизмов и форм социализации детей в современном обществе сочетается с возрастанием требований к социализации индивидов как придатков современной системы общественно-экономического разделения труда.

Парадокс второй. Удручающее сокращение численности социальной группы детства в сравнении с непрерывно возрастающей численностью социальной группы пожилых людей в обществе практически никак не сказывается на со-

храняющихся установках на дальнейшее социально-культурное и экономическое развитие общества силами подрастающих поколений.

Парадокс третий. Возрастающая потребность современного общества в инициативном и творческом типе личности приходит во все большее противоречие с глубоко укорененными и широко распространенными в системе социальных институтов формами унификации и стандартизации, а в конечном итоге технологизации мира детства, под которой я понимаю превращение детства в технологический придаток современной глобальной цивилизации [14].

Парадокс четвертый. Не потерявшая своей актуальности установка на гармоничное развитие ребенка как разносторонней личности приходит в противоречие с современными формами социализации и технологиями образования и воспитания подрастающего поколения.

Парадокс пятый. Внешне богатое жизненное социокультурное пространство мира детства, вся совокупность его материализованных атрибутов в реальности оказывается во все большей степени миром взрослых, мыслить и действовать в котором по-взрослому представитель мира детства психологически и морально не готов.

В основе всех этих парадоксов отношения мира взрослых к миру детства лежат, с моей точки зрения, две взаимоисключающие друг друга стереотипные установки взрослых в отношении детей. Согласно одному из них «золотой век детства» ассоциируется с возрастным периодом в жизни каждого человека, который исполнен беззаботности, положительной эмоциональности, развлекательности. Согласно другому, «ребенок – это никто», он глуп, ничего не понимает, он еще *неполноценный* человек.

Мир взрослых, декларируя на словах свою приверженность первой установке, реально воплощает в модели поведения именно вторую, навязывая ребенку авторитарную, дисциплинарную модель общения, используя фактически манипулятивный подход к ребенку. Даже сегодняшние, вызванные гуманизацией общественных процессов активные призывы взрослых перейти к личностно-ориентированному, партнерскому общению с ребенком, взаимодействию с ним на равных не очень-то заметно входят в жизнь важнейших социальных институтов, таких, например, как семья и система образования.

Подобный стиль отношений, с нашей точки зрения, объясняется такими факторами, как

– самим фактом выделения детства из мира взрослых. Изначальное содержательное различие мира детства и мира взрослых как двух структурных элементов общества с самого начала подспудно содержит в себе конфликт;

– большей доступностью, легкостью авторитарно-дисциплинарного стиля поведения;

– действенным эффектом сохранения «силовых» традиций в общественной жизни индивидов, в том числе и распространения с самого начала развития человеческой цивилизации жесткого, дисциплинарного, манипулятивного отношения к ребенку;

– весьма распространенным архетипом психики взрослых: они боятся жизни с ее непредсказуемостью в лице детства и пытаются ее запрограммировать. Яркой исторической иллюстрацией такого отношения является секретный ра-

порт о детях и юношестве, который заказал в свою бытность министром иностранных дел французский социолог А. Токвиль графу де Гобино в 1843 году. Последний, разбираясь в причинах вспыхнувшего мятежа в образцово-исправительном доме в местечке Меттрэ, где содержались так называемые нарушители и брошенные дети, констатировал: «Молодые – одна из величайших опасностей, какие угрожают нашей цивилизации. Единственная политика, которую надлежит к ним применять, – это политика террора…» [15, с. 162];

– традиционной социоцентристской ориентацией гуманитарной и педагогической мысли, нацеленной на обоснование приоритетного влияния общества на личность по сравнению с влиянием индивида и личности на общество. Не случайно была в свое время подвергнута резкой критике пионерская работа известной исследовательницы М. Мид [16], в которой она обосновывала типологию изменяющихся в ходе общественной истории отношений между старшим и младшим поколениями людей. Одним из важнейших итогов обстоятельно проведенного анализа истории межпоколенческих отношений стал вывод автора о появлении во второй половине XX столетия нового типа отношений между старшим и младшим поколениями, для которого характерны: с одной стороны, утрата исключительного влияния традиций и авторитета старших на образ жизни и мысли подрастающего поколения; с другой стороны, возрастание необходимости для старшего поколения учиться новому беспрецедентному опыту у младших.

Образовался трагический разрыв между идеальными представлениями о детстве как самоценном периоде и реальным положением детей, при котором мир детства полностью ориентирован на адаптацию ребенка к миру взрослых на условиях полного подчинения и абсолютного повиновения. Это обстоятельство усиливает уже названные парадоксы взаимоотношений мира детей и мира взрослых, вносит дисгармонию в процессы первичной и вторичной социализации, нарушает процесс наследования и передачи социально-исторической памяти и, в конечном итоге, препятствует развитию общества как целостной системы.

Вообще говоря, взаимоотношения мира взрослых и мира детства – одна из вечных общественных проблем, эти отношения имманентно присущи любому «живому» социуму, они сложны и противоречивы.

Будучи сориентированным взрослыми на будущее, мир детства постоянно психологически нацелен на «преодоление настоящего» [17], то есть объективно – на преодоление инерции взрослого сообщества. Детство не только повторяет взрослость, но и в определенной степени постоянно и последовательно отрицает некоторые формы и типы ее поведения, следовательно, воспроизводит человека на новом уровне. На это было обращено внимание в предложенной Д.Б. Элькониным еще в 1960 году теории развития, рассматривающей в качестве движущей силы психического развития ребенка единство двух противоположных тенденций – тенденции к единению ребенка со взрослым, стремления к совместной жизни с ним и тенденции к самостоятельности, эмансипации, то есть освобождению от взрослого. Реализация этой второй тенденции, функционально проявляющейся у ребенка в поведенческой последовательности «освоение – усвоение – воспроизведение – преодоление опыта взрослых» (детство в развитии и развитие детства), в настоящее время крайне затруднена

теми онтологическими и аксиологическими потрясениями социокультурной среды, в которой находится мир детства.

Мир взрослых, предлагая осваивать миру детей социокультурные нормы, подчас забывает о присутствии и необходимости проявления обеих тенденций развития, о большей однозначности и меньшей вариативности жизненных целей в детском возрасте, о необходимости не просто подчинения ребенка принятым правилам, но их творческого осмысления и развития. Если же подобного не происходит, то в детстве начинается формирование подчас вредных социальных стереотипов, удобных для родителей и воспитателей, но начинающих мешать взрослеющему ребенку, способствующих вовлечению его в различные внутриличностные и межличностные конфликты.

Л.Б. Волынская, исследуя нерешенные психологические проблемы детства, обращает внимание на следующие социальные стереотипы:

1) послушание и покорность как условия психологического благополучия ребенка, воспитывающие людей малодушных, конформных, жаждущих согласия со всеми и боящихся конфликтов;

2) безусловное доверие к миру в качестве базовой личностной характеристики, приводящей к незащищенности и даже виктимности человека;

3) абсолютная уверенность в том, что взрослые знают все детские желания и это – признак их любви к детям, что провоцирует нереальность требований к ближайшему окружению и нарушает взаимоотношения как со взрослыми, так и со сверстниками;

4) инфантильная вера ребенка в справедливое устройство мира и ощущение на себе ответственности за те события, которые ему неподвластны, обвинения себя в их неблагоприятном исходе, что приводит к эмоциональному отторжению самого от себя и позволяет легко манипулировать человеком. Так, например, дети зачастую объясняют развод родителей своим плохим поведением и винят в происшедшем только себя. А психологи фиксируют существование посттравматического синдрома у детей, уцелевших в ходе террористических актов, которые трактуют произошедшее примерно так: «Всех хороших детей убили, а я – плохой, поэтому я остался жить»;

5) выхолащивание при помощи различного рода рестрикций и запретов «познавательного изобилия» детской любознательности, без которого усвоение знаний становится впоследствии пассивным, механическим актом [18].

Безусловно, современные проблемы с детьми отмечены глубокой социальной обусловленностью. Но при этом исследования, проводимые в области истории и социологии детства, сами порой, казалось бы, противоречат друг другу. Так, французский историк Ф. Арьес в своей работе «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке»[19] на основе анализа истории повседневности, художественной и иной литературы, произведений изобразительного искусства исследует историогенез специфической природы детства и фактически формулирует основы аксиологического подхода к ребенку. Идеи Ф. Арьеса дали толчок к возникновению в американской историографии особого исследовательского направления, связанного с изучением феномена ненависти к детям [20], цель которого – показать детей как одну из самых угнетенных групп в истории человечества и заставить современников осознать это. Важнейшей работой в

этом направлении следует считать «Историю детства» Ллойда де Моза [21], выстраивающего свое исследование в русле «психоистории» и исходящего из того, что дети становятся жертвами агрессивности и жестокости, неотъемлемо присущих человеческой натуре вообще.

Сравнение моделей исторического развития детства Арьеса и де Моза обнаруживает разные векторы отношения мира взрослых к миру детства: у Арьеса – от свободы к закрепощению ребенка семьей и школой, у де Моза – к раскрепощению ребенка от тирании взрослых. Однако, как мне представляется, кажущееся противоречие снимается, если обратить внимание на фактор, положенный в основу той и другой классификации отношений. Ф. Арьес обращает внимание на растущую регламентацию детской жизни, связанную с увеличением по мере развития общества и культуры количества агентов социализации. В свою очередь де Моз акцентирует внимание на изменении внутреннего мира ребенка, росте его личной свободы в результате изменения отношений со взрослыми, прежде всего с родителями, по мере перехода от патриархально-патерналистских к более демократическим отношениям.

Детство действительно является социально-историческим феноменом – ведь идея детства свойственна далеко не каждому обществу. Н. Постмен в своей нашумевшей книге «Исчезновение детства» зловеще-фаталистски предполагает, что если «идея детства» появилась на определенном этапе человеческой истории, то она может и исчезнуть [22]. Нечто подобное уже происходит в современном мире. Телевидение пришло на смену книжной культуре и ежедневному общению со взрослыми, и с его помощью, не прикладывая никаких специальных усилий, дети приобщаются к культуре взрослых, для них раскрыты все секреты «взрослости». Исчезает детская одежда, детские игрушки и игры все больше носят ярко выраженный характер атрибутов и действий мира взрослых, причем не всегда лучших. Детские пороки и преступность мало чем отличаются от взрослых.

Детство, являясь структурным элементом социума, зеркально отражает в себе все его проблемы. Данная постановка вопроса чрезвычайно актуальна и для современного российского общества, которое чем дальше, тем больше испытывает на себе влияние глобализации и постмодерна.

Бурная социально-экономическая и политическая жизнь России на пороге XXI века обнажила проблемы экономического, политического и социального характера. Системный кризис, охвативший российское общество, не мог не затронуть фундаментальные механизмы его функционирования и развития, в том числе и общественное воспроизводство. Разрушение существовавших на протяжении тысячелетий традиционных институтов социализации – семьи и детского сообщества, грубое вторжение средств массовой информации и индустрии развлечений в интимный мир личности, беззастенчивая проповедь «новой морали» и навязывание «телеэкранной социализации» [23, с. 303] – все это приводит к нивелировке, размыванию понятия взрослости, «меркантилизации, вестернизации, демонизации сознания ребенка» [23, с. 312].

Отечественную систему образования, несмотря на провозглашенный приоритет сферы образования по отношению к другим сферам общественной жизни, тоже лихорадит. Специалисты фиксируют системное неблагополучие системы образования, которая «находится на стадии рассыпания, четко инициро-

ванного кризиса…» [24, с. 57]. «Она (система образования – С.Ш.) может (и обязана) констатировать, предлагать, акцентировать, но «государственные» решения оттого, как правило, не меняются. Такое повторяется с завидной частотой» (Л.В. Занков, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, Б.Ф. Ломов и др.).

В сущности отмеченное неблагополучие является частным подтверждением более общего кризиса – кризиса в отношениях мира детства и мира взрослых, порожденного прежде всего особенностями выполнения взрослыми своих посреднических функций.

Таким образом, можно констатировать наступление совершенно новой социокультурной эпохи жизни ребенка в современном мире, отличительными чертами которой являются:

– во-первых, разрушение традиционных, классических институтов социализации и замещение их новыми, неклассическими. Последние лишают детство его онтологичности и идентифицируют его как всего лишь акциденцию (свойство), инструмент новой глобальной цивилизации, нуждающейся в таком человеческом строительном материале, который по своему субстрату носит не самоценно-онтологический, а подчиненно-технологический характер;

– во-вторых, утрата детством самостоятельного статуса в мире взрослых. Хотя внешне детству предоставляется все больше возможностей и свобод в конструировании своего мира, на самом деле этот процесс носит организованный характер, ориентированный на создание нового типа человека, который был бы наделен наднациональным, микшированным сознанием. Данный тип соответствует понятию человека-потребителя и прагматика, маргинального в своей сущности, «флюгерного», не способного быть творцом своей судьбы, в подавляющей степени зависимого от внешних конструкторов его мировоззрения и образа жизни;

– в-третьих, нарастание тенденции утилитарной дозированности родительства в сфере социальных отношений ребенка и взрослых, сопряженной с ростом индивидуалистических и гедонистических установок современных людей на рождение и воспитание ребенка. По сути дела, речь идет о нарастании тенденции рассудочности и разумного эгоизма нового типа родительства.

Все это говорит о наступлении новой эпохи детства и отношений между миром взрослых и миром детства, которая непосредственным образом связана с общецивилизационными и общекультурными особенностями современного общества. Эту эпоху в соответствии с ее основными чертами я бы отважилась назвать постмодернистской эпохой детства. Бунт маленького человека против классических форм культуры и цивилизации, как они сложились к настоящему времени, проявил себя через нигилистическое отрицание накопленного ранее социального опыта и нашел оригинальное выражение в системе отношений двух важнейших подсистем общества – детского и взрослого миров.

Постмодернистское мировоззрение, охватывая индивидуальное и общественное сознание современных людей, непосредственным образом повлияло на классическую форму мировосприятия человека, складывавшуюся тысячелетиями. На смену доминирующей общественной, общечеловеческой системе ценностей и морали, основанной на принципах коммунитарности, пришли индивидуализм и творческий эгоизм маленького человека, которого некоторые со-

временные авторы относят к совершенно новому, бифуркационному типу личности. Основные черты последнего – мировоззренческая нестабильность и беспринципность с точки зрения классического мировоззрения. Главный принцип бифуркационного человека – стремление к абсолютному творчеству и отрицанию всякой нормативности в мышлении и действии, кроме футуристской нормативности. Это новое постмодернистское мировоззрение и связанную с ним новую ситуацию мира детства в современном обществе мы также могли бы назвать неклассической ситуацией, отрицающей классическое мировоззрение и классическую ситуацию мира детства.

Социальные институты находятся под влиянием идей постмодернизма, претендующего на роль доминирующего нигилистического мировоззрения, стремящегося стать их ядром. Постоянно и неизменно происходит разрушение путей и механизмов передачи культурного опыта от поколения к поколению. Целенаправленно разрушается связь времен в сознании поколений и народов. Сегодня европейцы говорят: «Мы плохо понимаем своих детей и совсем не понимаем детей своих детей».

М. Мид свое время проницательно отмечала: «Старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ… Наступает пора префигуративной культуры будущего, в которой то, что предстоит, неизвестно» [16, с. 361]. Неужели жутковатое предсказание известной исследовательницы сбывается? Феномен детства, определяющий будущее любого общества, становится ноуменом постмодерна. Социальный субъект детства в ситуации постмодерна становится субъектом, лишенным социокультурной почвы и приобретающим характер ризомы, явно неопределенной в своих внешних границах и малопонятной по своей сущности.

Summary

S.L. Shalaeva. Childhood in the situation of postmodern.

This article is devoted to the analysis of childhood phenomenon changes in the conditions of modern culture situation called postmodern. The postmodern specificity as an especial stage in the development of modern society and post-modernism as it's ideological and spiritual basis are considered. Postmodernism is analysed as a new trend tending to play a role of the most appropriate methodology in humanities to our contemporaneity.

Postmodernism ideas are wide spread in the society with the help of modern communicatory means and social technologies, and exert much influence on social reproduction, changing the classical institutes and mechanisms of socialisation and exchanging them for nonclassical ones.

In such conditions it is possible to mark a new nonclassical postmodernism epoch of the childhood. It's main characteristics the author considers to be instability and increased receptivity of child mind and behaviour, increased conflict in child relations with the adults, paradoxical adult world attitude to the child world, and other behaviour features peculiar to the post-modern epoch.

Литература

1. *Бузгалин А.В.* «Постиндустриальное» общество – тупиковая ветвь социального развития // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 26–43.

2. *Иноземцев В.Л.* Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 58–69.
3. *Latouche S.* The Westernization of the World. – Cambridg: Polity Press, 1996. – 196 p.
4. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. – М.: Феникс, 1992.– Т. 1. – 448 с.
5. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. – Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1995. – 352 с.
6. *Ильин И.* Постмодерн: словарь терминов. – М.: INTRADA, 2001. – 384 с.
7. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
8. *Bertens H., Fokkema D. Forword*. Approaching postmodernism / Ed. by D. Fokkema, H. Bertens. – Amsterdam, 1986. – 212 p.
9. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991. – 640 с.
10. *Шалаев В.П.* Синергетика социального управления. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2005. – 260 с.
11. *Ахиезер А.С.* Россия как большое общество // Вопросы философии. – 1993. – № 1. – С. 3–19.
12. *Эльконин Д.Б.* Психология игры. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 360 с.
13. *Выготский Л.С.* Вопросы детской психологии. – СПб.: Союз, 1997. – 224 с.
14. *Шалаева С.Л.* Социально-онтологический статус детства в системе общества. – Йошкар-Ола: МГПИ, 2005. – 147 с.
15. *Дольто Ф.* На стороне ребенка. – СПб.: Изд-во «Петербург – XXI век»,1997. – 527 с.
16. *Мид М.* Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
17. *Фельдштейн Д.И., Сайко Э.В.* Детство в развитии и как развитие индивида, личности // Мир психологии. – 2004. – № 1. – С. 3–7.
18. *Волынская Л.Б.* Нерешенные психологические задачи в определении ценностно-смысловой структуры личности в дальнейшем // Мир психологии. – 2004. – № 1. – С. 114–121.
19. *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1999. – 416 с.
20. *Кошелева О.Е.* История детства: опыт зарубежной историографии // Педагогика. – 1996. – № 3. – С. 81–87.
21. *Де Моз Л.* Психоистория. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 512 с.
22. *Postman N.* The Disappearance of Childhood. – N. Y., 1982. – 320 p.
23. *Абраменкова В.В.* Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. – М., Воронеж: МОДЭК, 2000. – 416 с.
24. *Сосновский Б.А*. Не новые проблемы психологии модернизируемого образования // Психология образования: проблемы и перспективы: Материалы 1-й Междунар. научн.-практ. конф. – М.: Смысл, 2004. – С. 57–58.

Поступила в редакцию
26.12.05

Шалаева Светлана Леонидовна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой детской и дошкольной педагогики Марийского государственного педагогического института.